

ВЕСТНИК

ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА

ТОМ X

УДК 93/94+82+7.0
ББК 63.3+83.3(0)+85
В 38

ISSN 1816-0816

Главный редактор
И. Х. Урилов

Заместитель главного редактора
В. Л. Телицын

Редактор
Н. П. Лучишкина

В 38 **Вестник истории, литературы, искусства** / [гл. ред. И. Х. Урилов] ; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. — М. : Собрание ; Наука, 2005— . — ISSN 1816-0816.
Т. 10. — М.: Собрание, 2015. — 496 с. — ISBN 978-5-9606-0131-3 (в пер.).

В X томе «Вестника истории, литературы, искусства» представлены результаты последних исследований ведущих отечественных и зарубежных ученых. В разделе «Археологические открытия» изложены результаты исследований чжурчжэньского могильника и Древнего Хорезма. В разделе «Гипотезы. Проблемы. Решения» речь идет о проблемах интерпретации этноязыковой истории, событиях Первой и Второй мировых войн и особенностях хозяйственной деятельности в СССР в послевоенное время. В разделе «Встреча и диалог культур» в центре внимания — башкирская мифология, иконография итальянских Распятый и так называемая «Дамская ботаника» в творчестве русских художников. В разделе «Человек. Общество. Власть» исследуются различные проблемы социальной истории России на протяжении XII–XXI вв., которые оказали серьезное влияние на развитие страны. Раздел «Выдающиеся деятели культуры» повествует о жизни и творчестве как широко известных личностей (М. Шагал), так и о пока малоизвестных (Л. А. Хорос, Р. В. Гриб), но оставивших все же заметный след в отечественной культуре. В разделе «Архивные и музейные собрания» представлены уникальные документальные материалы об искусстве Византии, флорентийской жизни, русских художниках и писателях. И, наконец, в последнем разделе представлены рецензии на последние издания и некролог одному из выдающихся историков России – Р. Ш. Ганелину.

УДК 93/94+82+7.0
ББК 63.3+83.3(0)+85

ISBN 978-5-9606-0131-3

© Оформление. ООО «Издательство «Собрание»», 2015

Лисина Елена Сергеевна — искусствовед

Литвин Алексей Львович — доктор исторических наук, профессор

Литвина Анна Феликсовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания и Центра славяно-германских исследований Института славяноведения РАН

Манашерова Ивета Робертовна — искусствовед, коллекционер, руководитель культурно-благотворительного фонда «U-art: Ты и искусство» (Москва)

Марисина Ирина Михайловна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела русского искусства НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств

Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург)

Муллонен Ирма Ивановна — доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Муромцева Ольга Валерьевна — кандидат исторических наук, искусствовед

Омельянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «История России и краеведение» Владимирского государственного университета

Орлов Игорь Борисович — доктор исторических наук, профессор Научно-исследовательского учреждения — Высшей школы экономики

Раку Марина Григорьевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела музыки Государственного института искусствознания, доцент Российской Академии музыки им. Гнесиных, заведующая музыкальной частью театра «Мастерская Петра Фоменко»

Ростова Ольга Алексеевна — научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой

Часть четвертая

ЧЕЛОВЕК. ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ

А.Ф.Литвина, Ф.Б.Успенский

Что русский князь мог сделать с собственным именем в XII в.? 219

*В.Г.Гольшев*Особенности российского предпринимательства
второй половины XIX столетия 236*И.В.Омельянчук*Сословность и гражданское общество в идеологии
русских консерваторов начала XX века 247*М.Г.Раку*

Место и роль музыки в культурном проекте раннесоветской эпохи 261

*И.Б.Орлов*Социальная компонента высшего образования
в СССР (1917–1927 гг.) 273*В.Г.Чичерюкин-Мейнгардт*

Катынь... Неизвестное... 282

Д.В.Ильющенко

История советского общепита 303

С.М.Абрамов

Ариэль Шарон: военачальник и политик 323

Часть пятая

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

И.Р.Манашерова

Неизвестный Шагал 335

И.М.Марисина

«Дань справедливой похвалы». К биографии Л.А. Хориса 343

Д.И.Сумароков

«Мыслил начисто, без черновиков...» 368

Часть шестая

АРХИВНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ

*Е.С.Лисина*Образы Византии в экспозициях
первых специализированных выставок 381*О.В.Муромцева*Повествование о флорентийской жизни конца XV в.
во фресковых циклах Доменико Гирландайо 389

Орлов Игорь Борисович, д.и.н.,
проф. кафедры политического поведения НИУ ВШЭ

**Социальная компонента высшего образования в СССР
(1917-1927 гг.)¹**

Аннотация

В статье на основе материалов ведомственной и студенческой печати первого послереволюционного десятилетия политика в области высшей школы рассматривается как часть социальной политики и властный механизм формирования и поддержания новой социальной стратификации. Именно партийно-государственная стратегия создания слоя новой советской (трудовой) интеллигенции объясняла властный курс на пролетаризацию высшей школы. Автор показывает, что несмотря на размывание жесткой «пролетарской» линии в вузовской политике второй половины 1920-х гг. к концу 1920-х гг. в советских вузах выходцы из рабоче-крестьянской среды составляли более половины учащейся молодежи. Сочетание идеологических установок и прагматических задач восстановления экономики позволяло новой власти выдерживать общую стратегическую линию «реконструктивного периода» на формирование трудовой интеллигенции.

Ключевые слова: социальная политика, высшая школа, рабфак, обеспечение, льготы, трудовая интеллигенция

Abstract

The article is based on materials of departmental and student printing of the first post-revolutionary decade of the policy in the field of higher school is considered as part of social policy and powerful mechanism of formation and maintenance of new social stratification. It is the party-state strategy layer creation of the new Soviet (labor) intellectuals explained imperious course on пролетаризацию higher school. The author shows that despite the erosion of rigid «proletarian» line in University politics of the second half of the 1920s to the end of the 1920s in the Soviet higher education institutions come from the workers ' and peasants accounted for more than half of the young people. The combination of ideological and pragmatic task of recovering the economy allowed the new authorities to withstand a General strategic line of the reconstructive period» on the formation of working intellectuals.

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Социальная компонента высшего образования в СССР (1917-1927 гг.) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 10. М.: Собрание, 2015. С. 273-281.*

Keywords: social policy, high school, technical school, support, benefits, working intellectuals

Несмотря на отсутствие единства в определении сущности социальной политики, чаще всего под ней понимается политика в области социального развития и социального обеспечения. Также социальная политика рассматривается как система взаимоотношений между социальными слоями общества, в центре которых находятся проблемы жизнеобеспечения и социальной безопасности человека и социума в целом. С одной стороны, образовательную политику (в нашем случае, применительно к сфере высшего образования) в первое послереволюционное десятилетие можно рассматривать как составную часть социальной политики вообще. С другой стороны, как специфическая сфера государственной политики, образование не сводится к социальным вопросам, затрагивая (особенно в советской действительности) сферы идеологии и пропаганды, социализации и формирования новой (советской) идентичности. При этом образование является мощнейшим властным ресурсом управления социумом и механизмом формирования новой общественной структуры.

В рамках данной статьи политика в области высшей школы рассматривается как властный механизм формирования и поддержания новой социальной стратификации. Прежде всего, речь идет о партийно-государственной стратегии создания слоя новой советской (т.н. трудовой) интеллигенции, что, в свою очередь, объясняло курс на пролетаризацию высшей школы. Инструментарий воплощения социально-образовательной стратегии коммунистической власти был довольно обширен: от разнообразных (классовых, академических и пр.) «чисток» до стимулирования обучения выходцев из среды рабочих и беднейшего крестьянства. Причем общая стратегия пролетаризации воплощалась сразу на двух тесно связанных между собой «этажах» высшего образования - на рабфаках и основных факультетах вузов.

Первым значимым актом новой власти, касающимся высшей школы, стал Декрет от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР», гарантировавший каждому лицу, достигшему 16 лет, (независимо от гражданства и пола) возможность стать слушателем любого вуза без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании школы. Этот акт большевистского правительства получил разъяснение в вышедшем в тот же день «Постановлении о преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». В нем СНК РСФСР давал наркомату просвещения указание принимать «самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих», но при этом «на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии».² «Пролетарская установка» в сфере образования нашла отражение и в принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г программе правящей партии.³

Но так как эти популистские документы не учитывали ни реальных нужд народного хозяйства и населения, ни пропускную способность вузов, уже в 1919 г. пришлось ограничить прием студентов и ввести вступительные экзамены для лиц, не получивших среднего образования.⁴ Так как низкий уровень знаний вымывал из студенческого контингента именно рабоче-крестьянскую прослойку, выход был найден в создании в феврале 1919 г. рабочих факультетов, предоставлявших пролетарской молодежи возможность непосредственно в стенах высшей школы получить подготовку, необходимую для учебы в вузе. Самое главное, что рабфаки, являясь частью вузов, должны были «активно влиять на решение важнейших вопросов их

² Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Госполитиздат, 1964. С. 138,141.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумах (1898-1986) Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 82-83.

⁴ Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921-1927). Тверь: Тверской ун-т, 1996. С. 61.

жизни, направляя ее в сторону, определенную постановлениями Коммунистической партии и Советского правительства».⁵

Весной 1919 г. для учащихся высших учебных заведений было введено социальное обеспечение, которое не получали не выполняющие учебной повинности и живущие на нетрудовые доходы. Декларировалось, что социальным обеспечением могли пользоваться все студенты, кроме указанных лиц, начиная с третьего года занятия, за исключением медиков, ветеринаров, техников и агрономов, которые получали его со второго курса. Впрочем, первокурсники и второкурсники могли быть определены на него в случае выполнения ими трудовой повинности. Но целиком государственную помощь получали только командированные пролетарскими организациями, фабриками, заводами и сельскими коммунами студенты, инвалиды войн, а также студенты - дипломники. Те, кто совмещали службу с учебой, несли оплачиваемую трудовую повинность или получали пособие по безработице, могли претендовать только на половину этого довольствия.⁶ Конечно, вид пайка, размер денежного пособия и условия назначения на социальное обеспечение постоянно менялись, но при этом оно все менее соответствовало прожиточному минимуму.

Тем не менее, государственное обеспечение оставалось одним из основных механизмов регуляции студенческого контингента и, прежде всего, слушателей рабочих факультетов. Хотя в регионах назначение рабфаковцев на пайковое обеспечение тормозилось в силу согласования местных профессиональных, снабжающих и исполнительных органов власти с Центром. С обострением продовольственного кризиса в стране в 1921 г. даже рабфаковцев перевели на меньшую норму снабжения. Исключение было

⁵ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.). Л.: Наука, 1984. С. 87.

⁶ Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. II. М., 1920. С. 157,160-161.

сделано только для командированных на учебу студентов.⁷ Первое время рабфаковцам, командированным профсоюзами, выплачивалась разница между средним заработком рабочих и служащих соответствующей квалификации и стипендиальным обеспечением, но вскоре это положение было отменено.⁸

Еще хуже обстояло дело с обеспечением студентов основных факультетов, пятая часть которых с осени 1921 г. вообще была снята с государственного снабжения.⁹ Что касается части рабфаковцев, переведенных с продовольственного пайка на стипендию,¹⁰ то денежные выплаты в ряде случаев не производились из-за отсутствия кредитов или производились с опозданием на несколько месяцев по старому курсу обесценившегося совзнака.¹¹

О роли, которой новая власть отводила рабфакам, свидетельствовал только их быстрый рост: если в конце 1919 г. в стране было 14 рабочих факультетов с 2149 учащимися, то перед началом 1920-1921 учебного года их численность выросла почти в 3 раза (до 45), а число учащихся – более чем в 14 раз (до 30224 чел.).¹² Правда, выпуск рабфаковцев 1920 г. составил по РСФСР всего 215 чел.¹³, что не могло сколько-нибудь существенно повлиять на студенческий контингент.

Отсутствие перемен в социальной структуре и настроениях основной массы студентов в пользу большевиков стимулировало советское правительство к очередным кардинальным шагам в вопросе изменения состава студенчества. Если сначала доступ к получению высшего

⁷ Вестник рабочих факультетов. 1922. № 2-6. С. 81.

⁸ Вестник рабочих факультетов. 1922. № 2-6. С. 164; Бюллетень Главпрофобра. 1922. № 4. С. 8.

⁹ Бюллетень Главпрофобра. 1921. № 31. С. 7.

¹⁰ Окончательно продуктовые пайки были отменены в начале 1923-1924 учебного года.

¹¹ Знамя Рабфаковца. 1922. № 1. С. 45.

¹² 10 лет строительства рабфаков. Сборник статей. М.; Л., 1929. С. 35-37.

¹³ Красное студенчество. 1927-28. № 4-5. С. 72.

образования сохранялся у всех граждан (при наличии льгот при поступлении для лиц пролетарского происхождения), то в Постановлении Совнаркома 1920 г., касающегося высших технических заведений, оговаривалось, что в первую очередь в них должны приниматься рабочие, получившие подготовку на рабфаках.¹⁴

С сентября 1920 г. пополнение рабфаков стало осуществляться по направлениям профсоюзных организаций, а в августе 1921 г. было принято «Положение о рабочих факультетах», в котором четко прописывались требования к поступающим. Это должны были быть выходцы из рабочих или крестьян, «знающие 4 действия арифметики над целыми числами и умеющие бегло читать и писать, участвовавшие в производстве личным физическим трудом не менее одного года и имеющие возраст не ниже 18-ти лет». Из лиц нефизического труда на рабфаки принимались лишь члены РКП (б) с не менее чем годичным партстажем.¹⁵ Вакантные места Главпрофобр¹⁶ распределял по профсоюзным, партийным организациям, фабрично-заводским комитетам, уездным и губернским исполкомам, которые командировали на учебу рабоче-крестьянскую молодежь, подтверждая их классовую принадлежность и политическую поддержку Советской власти.¹⁷ И если сначала была возможность свободной подачи заявления о приеме, то позже попасть на рабфак можно было только по направлению указанных организаций. С приема 1921 г. принцип командирования студентов по разверстке Наркомпроса стал утверждаться и на основных факультетах.

С переходом к новой экономической политике социальная составляющая образовательной политики претерпела некоторые изменения.

¹⁴ Декреты Советской власти. Т. 9. Июнь – июль 1920 г. М.: Политиздат, 1978. С. 23.

¹⁵ ВУЗы и рабфаки. Справочная книга. М., 1923. С. 23.

¹⁶ Главное управление профессионального образования было учреждено в 1921 г. в составе Наркомата просвещения РСФСР на базе Главного комитета профессионально-технического образования для руководства подготовкой кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры.

¹⁷ Бюллетень Главпрофобра. 1921. № 18. С. 6.

Согласно постановлению Совнаркома РСФСР «О государственных и частных стипендиях» от 26 мая 1922 г., государственная стипендия включала: денежные выплаты, продовольственное и вещевое снабжение, право пользования общежитием. Как и ранее, в первую очередь, стипендиальное обеспечение распространялось на принятых в вузы рабфаковцев (для учащихся дневных отделений было обязательным) и на командированных партийными и профессиональными организациями, прежде всего, представителей пролетариата и трудового крестьянства.¹⁸ Но при этом в 1923-1924 учебном году стипендии получали всего 74% пролетарской части студенчества.¹⁹ А в следующем году удельный вес имевших стипендии студентов-пролетариев снизился.²⁰

С 1923 г. сложилась система льготных тарифов на проезд для студентов вузов и рабфаков по железным дорогам и внутренним водным речным путям страны. Бесплатным проездом пользовались студенты-стипендиаты рабочих факультетов и студенты, командированные в вуз партийными организациями. 75% скидку на проезд получали стипендиаты вузов, а 50% стоимости билета оплачивали студенты вузов и рабфаков, не состоящие на стипендиальном обеспечении.²¹ Впрочем, льготы на проезд существовали только на время студенческих каникул, причем студент мог воспользоваться этим правом лишь один раз в год.

Постепенно само по себе рабоче-крестьянское происхождение перестало быть достаточным условием приема на рабфак. В 1922-1923 гг. срок производственного стажа на предприятиях или в сельском хозяйстве для будущих рабфаковцев был повышен до двух и трех лет соответственно. В 1922 г. до 3-х лет увеличился партийно-комсомольский стаж для лиц

¹⁸ Бюллетень Главпрофобра. 1922. № 11-12. С. 8-9.

¹⁹ Красное студенчество. 1925. № 6-7. С. 37.

²⁰ Красная молодежь. 1924. № 1. С. 122.

²¹ Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. 1923. № 27. С. 7-9.

нефизического труда, а с 1923 г. от этой категории поступающих стали требовать и наличие производственного стажа продолжительностью не менее 1 года (впоследствии – не менее 2 лет). С 1924 г. необходимый для зачисления на рабфаки производственный стаж стал зависеть от возраста абитуриента и варьировался от 3 до 6 лет. Работа в партийных ячейках по схожему расчету должна была составлять от 2 до 4 лет, а в комсомоле – 3-4 года.²² Теперь помимо элементарных знаний по математике и умения удовлетворительно выражать мысли в письменной и устной форме абитуриента опрашивали и по курсу элементарной политграмоты.

Окончившие рабочие факультеты не сдавали вступительных экзаменов и автоматически зачислялись в вуз. Не подвергались они и итоговой проверке знаний за 3-летний курс обучения на рабфаке. То есть нужного социального состава студенчества (а, соответственно, новой интеллигенции) опять пытались достигнуть в ущерб профессиональным компетенциям. На заполнение оставшихся в вузе мест также влияли принципы классового приема, правда, с 1923 г. с одним уточнением. В первую очередь зачислялись члены партии и комсомола, а рабочие и дети рабочих располагались в иерархии приема только на 3-м месте. 4-ю позицию занимали абитуриенты, принадлежащие к беднейшему крестьянству и их дети. Но от них теперь требовались отзывы волостных ячеек РКП и удостоверения уездных исполкомов. Позиции с 5-й по 15-ю занимали лица, напрямую не связанные социальным происхождением с рабочими и крестьянами. Рядом с активными участниками гражданской войны и детьми заслуженных революционеров, соседствовали дети профессоров и преподавателей вузов, школьные работники и их дети, круглые сироты и пр.²³ Но чаще всего командирующие организации (особенно волостные органы) зачастую не снабжали командированных «средствами не только на существование до получения

²² Бюллетень Главпрофобра. 1922. № 7. С. 9; Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного Комиссариата Просвещения. 1923. № 23. С. 8-9; Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения. 1924. № 8 (29). С. 10-11.

²³ ВУЗы и рабфаки. Справочная книга. М., 1923. С. 42-43.

стипендии, но и на дорогу». В силу этого положение командированной деревенской бедноты характеризовалось как «самое жалкое». Отмечались случаи, когда «присланный на рабфак кандидат был вынужден просить себе на улице на кусок хлеба».²⁴

Пренебрежение уровнем подготовки поступающих из-за стремления расширить в высшей школе круг лиц, стоящих на платформе советской власти, сказывалось на большом отсеве студентов, падении академической успеваемости (по официальным данным в 1921-1924 гг. она равнялась более 60%²⁵) и росте числа второгодников. В конечном счете, это проявлялось на квалификации выпускаемых специалистов. Особенно много нареканий вызывала деятельность рабочих факультетов, студенты которых считались «абсолютно гарантированным элементом» по критерию их социальной принадлежности. В «Еженедельнике Народного Комиссариата Просвещения» в 1924 г. была помещена статья, в которой признавалось, что, несмотря на низкие требования при приеме на рабочие факультеты, туда все равно поступали лица, не удовлетворяющие даже им. Часть из них, попадая в высшую школу, оказывалась неспособной к усвоению ее программы. Таким образом, подрывалась сама идея рабфака. Наркомпрос озвучивал новое отношение к рабочим факультетам: «рабфаки не являются школами ликвидации безграмотности, но готовят к высшей школе и готовят не всех вообще рабочих и крестьян, случайно получивших командировку на рабфак, а только более способных, могущих успешно окончить рабфак и успешно заниматься в высшей школе».²⁶

В 1926 г. для выпускников рабочих факультетов была введена проверка знаний, по итогам которой их направляли в вуз или в техникум, оставляли на

²⁴ Красное студенчество. 1925. № 8. С. 44.

²⁵ Постников Е.С. Российское студенчество на Родине и за рубежом, 1917-1927. Автореф. дис. докт. ист. наук. Тверь, 2000. С. 43.

²⁶ Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения. 1924. № 10 (31). С. 19-20.

повторный курс или исключали из учебного заведения.²⁷ В приеме в высшую школу 1926 г. за рабфаковцами было забронировано 8175 мест, но в результате поступило только 5880 чел., прошедших выпускные испытания, что составило 28,3% от общего набора на первый курс.²⁸ С 1926 г. шло снижение их доли среди поступивших в вузы по сравнению с первой половиной 1920-х гг. Если до введения выпускных экзаменов до 90% оканчивающих рабочие факультеты становились студентами основных факультетов,²⁹ то в 1926 г. этот процент колебался от 44% до 88% (по отношению к наличному составу выпускного курса). В 1927 г. число выпущенных в вузы составляло 70-90% наличного состава 3-го курса рабфаков, в ряде случаев опускаясь до 60-62%.³⁰ Таким образом, усиление контроля над академической подготовленностью оканчивающих рабочие факультеты повысило требования к этим учебным заведениям и стало некоторым барьером на их пути в высшую школу.

Решение проблемы академической успеваемости побудило и к частичной отмене командирования в вузы с приема 1926 г. Анализ итогов предыдущих приемов показал, что принцип разверстки мест в институты через различные организации себя изжил, «те кадры взрослых рабочих и крестьян, которые могли быть по своей подготовке посланы в вузы союзами, партией и другими организациями, уже иссякли». Разверстка же мешала производить отбор лучших из среды выдержавших испытания.³¹ С приема лета 1926 года и до конца 1920-х годов устанавливается новый механизм комплектования вузов: часть мест бронировалась, во-первых, за окончившими рабочие факультеты, которые выдержали выпускные испытания, во-вторых, для культурно-отсталых народностей РСФСР, в-третьих, для Наркомпросов Союзных республик. На остальные места

²⁷ Красное студенчество. 1925. № 8. С. 54-55.

²⁸ Красное студенчество. 1927. № 10. С. 10.

²⁹ Красное студенчество. 1927. № 10. С. 23.

³⁰ Народное просвещение в РСФСР к 1928/29г. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1927/28 учебный год. М.; Л., 1929. С. 108.

³¹ Красное студенчество. 1926. № 1. С. 18-19.

существовал свободный прием (например, в 1926 г. так было принято 39% студентов, а в прием лета 1927 для свободного приема отводилось 57% мест).³² Впрочем, из числа удачно прошедших академическую проверку приемная комиссия проводила отбор опять же по классовому принципу,³³ критерии которого несколько изменились. При прочих равных условиях предпочтение при поступлении отдавалось: «рабочим и детям рабочих, крестьянам (батракам, беднякам, середнякам) и их детям, и детям научных работников и специалистов, работающих в государственных учреждениях и предприятиях». Этим же правом пользовались литературные работники, литературный заработок которых являлся основным источником средств существования, художники и скульпторы и их дети, лица рядового и начальствующего состава РККА, сотрудники органов ОГПУ и их дети.³⁴ Как мы видим, теперь только принадлежность к партии и комсомолу не давала возможности преимущественного поступления.

Ужесточались и правила стипендиального обеспечения. По инструкции Наркомпроса конца 1925 г., как и прежде, полностью удовлетворялись стипендиями выпускники рабочих факультетов. Однако по новым правилам на стипендиальное обеспечение ставились члены профсоюза с рабочим стажем или стажем ответственной профессиональной, партийной или боевой красноармейской работы не менее 5 лет, а также командированные на учебу партийными или исполнительными советскими органами крестьяне-батраки. Оставшиеся стипендии распределялись между рабочими, крестьянами и служащими и их детьми. При прочих равных условиях преимущество отдавалось представителям «культурно-отсталых» народностей, женщинам, инвалидам труда и войны.³⁵

³² Красное студенчество. 1927. № 10. С. 9.

³³ Красное студенчество. 1926. № 5. С. 9-12.

³⁴ Красное студенчество. 1927-28. № 15. С. 42-43.

³⁵ Еженедельник Наркомпроса. 1925. № 41. С. 5-7.

А с начала 1926-1927 учебного года среди лиц, подходящих для зачисления на стипендию по своему социальному положению, выбор делался в пользу не наиболее нуждающихся, а наиболее успевающих.³⁶ Показательно, что в развитие данной инструкции Наркомпросом давалось разъяснение, что «на стипендию нужно смотреть ни как на социальное обеспечение нуждающихся, а как на средство подготовки общественно-активных и хорошо образованных советских специалистов», хотя, конечно, «в первую очередь из рабочих и крестьян». На стипендию также могли рассчитывать студенты, имевшие стаж практической работы по изучаемой специальности: например, учителя на педагогических, фельдшера и сестры на медицинских и агрономы на агрономических факультетах.³⁷ То есть в основу оценки кандидата на стипендию ложилась не столько его нуждаемость, сколько его ценность как будущего специалиста.

Поэтому во второй половине 1920-х гг. распределение стипендиального фонда по вузам производилось, исходя не только из расчета классово-партийного контингента в вузе, но и специализации института. В частности, прибавление количества стипендий для педагогических и сельскохозяйственных вузов было связано не только с недобором в них, но и с необходимостью привлечения выходцев из рабочих и крестьян.³⁸ Тем не менее, несмотря на шаги в этом направлении, получение стипендии стало зависеть только от курса и успеваемости учащихся с 1932 г.

Как мы выяснили, социальное регулирование состава учащихся вузов с разной степенью эффективности осуществлялось с помощью классового приема, рабфаковского набора и командирования абитуриентов профсоюзными, партийными и советскими организациями. Еще одним механизмом социального и политического контроля над студенческой

³⁶ Еженедельник Наркомпроса. 1926. № 37. С. 15-16.

³⁷ Еженедельник Наркомпроса. 1926. № 43. С. 5; Красное студенчество. 1926. № 3. С. 15-17.

³⁸ Красное студенчество. 1926. № 3. С. 14; 1927. № 2. С. 10.

молодежью стали регулярные классовые и академические «чистки» в вузах и рабфаках, первая из которых была проведена уже в 1920 году.³⁹ Так, в итоге классовой проверки в 1922 г. на 36 рабочих факультетах по причине принадлежности к непролетарской среде, отсутствия стажа «физического или партийного труда», академической неуспеваемости и слабой посещаемости было исключено 17% рабфаковцев.⁴⁰ По отдельным вузам картина была еще более впечатляющей. Так, на рабфаке Уральского университета в том же году чистка коснулась четверти студентов.⁴¹ В период социальной проверки рабочих факультетов летом 1924 г. исключению подверглись лица: не отвечающие требованиям правил приема, которые действовали в год их поступления; окончившие среднюю школу; исключенные из РКП или РКСМ за неблаговидные поступки.⁴² Что касается «чистки» основных факультетов, то ее условия существенно смягчались для рабоче-крестьянской части студенчества. Когда 16 мая 1924 г. Совнарком декретировал новую академическую проверку, осуществляющим ее комиссиям была дана строгая установка, «чтобы по отношению к пролетарскому студенчеству были допущены возможные преимущества и льготы, предусматривающие особые трудности для этой категории учащихся в прохождении курса высших учебных заведений».⁴³ По итогам «чистки» сначала по вузам РСФСР были исключены 16% студентов, но после результаты были пересмотрены (во многом за счет «классово близких» слоев), и увольнению подверглись только 13%.⁴⁴ Впрочем, поставленные цели были достигнуты: рабоче-крестьянская прослойка студенчества выросла на почти на 7%.⁴⁵ Однако после кампании

³⁹ Купайгородская А.П. Указ. соч. С. 91.

⁴⁰ Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного Комиссариата Просвещения. 1922. № 3. С. 5.

⁴¹ Студент-рабочий. 1922. № 7. С. 25.

⁴² Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения. 1924. № 12 (33). С. 26-27.

⁴³ Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения. 1924. №11 (32). С. 5.

⁴⁴ Народное просвещение в РСФСР к 1924/25 учебному году (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1923/24 год). М., 1925. С. 119.

⁴⁵ Красная молодежь. 1924. № 1. С. 122.

«чисток» 1922-1924 гг. власть не прибегала до 1929 г. к подобным массовым практикам для регулирования социального состава студенчества.

Поменялось во второй половине 1920-х гг. и отношение к непролетарской части абитуриентов, а именно к детям трудовой интеллигенции и лицам интеллектуального труда, чья общая образовательная подготовка удовлетворяла требованиям приема. В 1926 г. для этой категорией поступающих даже забронировали более 10% вакантных мест.⁴⁶ А в 1927 г. при прохождении классовых комиссий они были приравнены в правах с рабочими и их детьми.⁴⁷

Несмотря на размывание жесткой «пролетарской» линии в вузовской политике второй половины 1920-х гг. и некоторую условность данных, характеризующих социальную принадлежность учащихся в вузах и на рабочих факультетах РСФСР, можно отметить, что даже к концу 1920-х гг. в советской высшей школе выходцы из рабоче-крестьянских групп общества составляли более половины учащейся молодежи. Другими словами, сочетание диктуемых идей мировой революции идеологических установок и связанных с восстановлением народного хозяйства прагматических задач позволяло новой власти выдерживать общую стратегическую линию «реконструктивного периода» на формирование трудовой интеллигенции.

⁴⁶ Красное студенчество. 1926. № 5. С. 9.

⁴⁷ Красное студенчество. 1927. № 10. С. 8.